БИБЛИОТЕКА ПРОЕКТА БОРИСА АКУНИНА
ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА
БОРИС
ВАСИЛЬЕВ
ВЛАДИМИР
КРАСНОЕ
СОЛНЫШКО

Борис Львович Васильев

Владимир Красное Солнышко

Серия «Библиотека проекта Б. Акунина «История Российского государства»»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8014802
Владимир Красное Солнышко : [роман] / Борис Васильев.: Вагриус; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-091517-0

Аннотация

Библиотека проекта «История Российского государства» – это рекомендованные Борисом Акуниным лучшие памятники мировой литературы, в которых отражена биография нашей страны, от самых ее истоков.

Владимир Красное Солнышко – сын Святослава Храброго, рожденный от рабыни-ключницы, величайший князь Русской Земли, посвятивший свою жизнь превращению Древней Руси в сильнейшее государство Европы. А Русскую Землю этот некогда ярый язычник – крестил. Он знал тысячи женщин, имел огромный гарем, но любил только свою жену Рогнеду, взятую им когда-то насильно. Она родила ему сына, одного из самых славных русских князей – Ярослава Мудрого. Князь Владимир стал великим русским святым, героем былин, которому служили все русские богатыри.

Содержание

Глава первая 5
Глава вторая 14
Глава третья 21
Глава четвертая 32
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Борис Васильев
Владимир Красное Солнышко

© B. Akunin, 2015
© Васильев Б. Л., наследники, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2015

*** * ***

Глава первая

1

Владимир, сын великого киевского князя Святослава, родился в мае, в Соловьиный день. Он был сыном Малфриды (по-домашнему Малуши ключницы), воспитанницы его бабки, великой княгини Ольги, и с малых лет жил во дворце при великой княгине, которая любила его и искренне считала своим внуком. А потому с раннего детства нашла ему друга для игр и забав. Звали его Ладимиром, и был он сыном погибшего в боях дружинника личной дружины княгини Ольги. И во всем огромном дворце, кроме них, не было больше ни одного ребенка, вот почему друзей окружали не только роскошь и услужливое внимание великокняжеского Двора, но и всеобщая любовь, улыбки и забота.

Может быть потому, что Ладимир был старше княжича на целых два года (в раннем детстве это очень много), а может, по иной какой причине, только оказался Ладимир очень уж упрямым, хотя и не всегда последовательным спорщиком. Вероятно, мудрая бабка-княгиня именно поэтому и выбрала его в пару к миролюбивому внуку. Кто их, бабок наших, разберет, они ведь детскую душу насквозь просвечивают своими все повидавшими очами, от которых так хочется отвести собственные, до дна прозрачные от наивности, глаза. Как бы там ни было, но если княжич говорил «брито», его приятель тут же немедленно и яростно утверждал, что «стрижено». И держался за это «стрижено» до конца, хоть ты охрипни с ним в споре. Правда, Владимир готов был спорить только до определенной черты, а потом замолкал, оставаясь при своем мнении. Однако при всех этих словесных схватках они были, что называется, не разлей вода.

Их воспитывали, как воспитывали бы законных наследников престола во всех крупных королевствах того времени. Никогда ни в чем разумном не отказывали. А когда они немного подросли, в дядьки княжичу Владимиру определили младшего брата его матери Добрыню, в общую личную охрану – троих приятелей Добрыни, богатырей Путяту, Будислава и Потока, да еще пятнадцать гридней и отроков для юношеских общих игр.

Разными были богатыри, как, вероятно, и задумывала венценосная бабка Владимира. Путята любил песни и с удовольствием их распевал, Будислав дотошно знал селян и много рассказывал княжичу и его другу о деревенской жизни, а Поток готов был сорваться в пляс по любому поводу, а чаще – без всякого повода.

У княжича Владимира было веселое и озорное детство, и это озорное веселье он сохранил на всю жизнь. О его богатырских пирах, на которые приглашались все жители Киева вне зависимости от общественного положения, вероисповедания или принадлежности к какому бы то ни было народу, складывались легенды и былины, сказки и сказания, дожившие и до нашего времени.

Великая княгиня много рассказывала ему о деяниях его отца, князя Святослава. О полном разгроме грозного Хазарского каганата, о личной отваге самого Святослава, о подвигах его друзей-побратимов Икмора и Сфенкла. Именно тогда, в детстве, Владимир и полюбил богатырей, и эта любовь прошла сквозь всю его жизнь.

К сожалению, бабушка перестаралась, что свойственно многим бабушкам. А внук в то время еще был слишком мал, чтобы отсеивать зерна от плевел, и воспринимал все как данность. Лишь позднее он понял, кем на самом деле был его отец для собственной матери.

Когда Святослав, имя которого гремело уже не только на Руси, наголову разгромив Хазарский каганат, вернулся в Киев в ореоле великих побед, за ним шли караваны с нагру-

женными добычей верблюдами и киевский народ кричал великому князю хвалу и славу. Княжич Владимир тоже восторженно кричал «Хвала!» и «Слава!» с Дворцовой горы и невероятно гордился, что отец раздал все народу. Всю добычу, ничего не оставив ни себе, ни княгине Ольге.

– Как славят моего отца!.. – с восторгом прокричал он своей венценосной бабушке.

– Народные вопли недорого стоят, – сказала королева русов, как называли тогда в Европе великую киевскую княгиню Ольгу.

– Но ведь я тоже кричал… – начал было Ладимир.

– Никогда не уподобляйся черни.

– Но ведь и я тоже… – робко вклинился Владимир.

– Тоже?.. – великая княгиня строго свела брови. – Это они – тоже, а ты – князь.

Вот тогда княжич Владимир и увидел, что великая княгиня недовольна своим единственным сыном. Нет, не из-за того, что услужливые гридни князя Святослава щедро разбрасывали добычу уличной толпе, это Владимир сообразил сразу. Но долго не мог понять: чем же именно она недовольна? И в его безмятежной душе это непонимание застряло, как застревает острый обломок стрелы.

2

Потом, позже, когда он надоел бабушке своими настойчивыми расспросами, великая княгиня с явной неохотой объяснила ему:

– Киев не любит твоего отца. И князь Святослав не любит Киева. Он вообще никого не любит. Он не научился этому, растратив свою молодость в бесконечных походах.

– Но ведь ему кричали хвалу и славу киевляне! Я сам слышал. И Ладимир…

– Слышал!.. – громко подтвердил друг. – Все кричали!

– Кричала чернь. Чернь всегда кричит, и вы еще услышите ее вопли. Мой сын князь Святослав это понял, почему и решил завоевать себе любовь киевлян столь простым способом. Так всегда поступали конунги варягов.

– Варягов?..

– Да, варягов! Ради подарков, которые его гридни щедро разбрасывали киевской толпе, мой сын сжег целый город и приказал водрузить на пепелище гору из тридцати тысяч голов его жителей. Женщин, детей, стариков, раненых воинов. Чудом уцелевшие беглецы добрались до Киева и рассказали мне об этом. Твой отец безжалостный варяжский конунг, а не великий князь Киевского княжения!

Великая княгиня не скрывала презрения к собственному сыну. Может быть, оно вырвалось из души помимо ее воли, хотя она всегда доселе владела собой. Презрение было столь велико, что Владимир присмирел и не решился более расспрашивать бабушку.

Он спросил об этом своего дядьку Добрыню. И Добрыня поведал ему, что в детстве сама великая княгиня прислала княжичу Святославу полоумного старого варяга. Она надеялась, что варяг расскажет сыну о доблести и славе, а он вместо этого начал толковать о варяжских обычаях, добыче и жестокости. И заставил юного наследника Киевского великокняжеского стола принять суровую варяжскую клятву.

– Какую еще клятву?

– Устрашать всех. И никого не щадить ради достижения поставленной цели.

– А какая у него была цель?

– Власть.

Добрыня столь увесисто и жестко произнес это слово, что Владимир больше вопросов не задавал.

И Ладимир тоже промолчал тогда.

А вскоре после этого разговора по повелению отца юного княжича Владимира послали княжить в Господин Великий Новгород. Великая княгиня всегда старалась спрятать его, когда приезжал Святослав. Но тогда он нагрянул неожиданно, и княгиня Ольга, когда ей доложили о нежданном госте, лишь успела затолкать внука за полог тронной палаты.

Затаившись там, он услышал тяжкий грохот кованых сапог по огромным палатам Большого дворца. И этот нарастающий равномерный грохот вдруг испугал княжича Владимира. Ему представилось, что именно так грохотали шаги варяжских конунгов…

– Я женюсь, – громко объявил великий князь Святослав, едва переступив порог. – Моя невеста – принцесса из Австрийского дома. Ее отец отдал ее, как только мои дозоры подошли к его рубежам. Со страху.

Он не сказал своей матушке ни единого приветственного слова, не спросил о здоровье, о делах, заботах и хлопотах, как издревле было принято на Руси, даже не поинтересовался, где его сын. Сиплый, навеки сорванный в надсадных криках сражений голос – отражался от стен, потолка, пола, гулко отдавался во всех палатах Большого дворца.

– Она родит мне законных сынов, которых признают все. А ее отец, повелитель австрийцев, отдаст мне всех своих лучников для похода на ромеев. И я сокрушу Византию, как сокрушил Хазарский каганат!

Это был не голос, это был рев. Одурманенный победами и щедро пролитой кровью в Хазарии, Святослав яростно делил шкуру неубитого медведя.

– Ты волен поступать, как тебе заблагорассудится, – безразлично обронила княгиня Ольга.

– Мой старший сын Владимир немедля отъедет в Господин Великий Новгород.

– Твой старший сын еще очень молод, – мгновенно собрав всю свою волю, резко ответила ему великая княгиня. – И я намерена послать его в Византию…

– Я был моложе, когда ты, великая княгиня, отправила меня княжить в Новгороде!

– Ты был настолько дерзок и своенравен, что от тебя необходимо было избавиться как можно скорее. Ты обесчестил мое имя перед всеми владыками Европы насилием над моей воспитанницей, ты оскорбил великого воеводу Свенельда, вызвав его на поединок, ты…

– Владимир поедет в Новгород.

– Владимир вырос на моих руках. К счастью, он не похож на своего отца…

– Я сказал!.. – как отрубил великий князь Святослав и, не прощаясь, вышел из великокняжеского дворца теми же грохочущими шагами конунга.

– Что нам делать, Свенди? – растерянно спросила великая княгиня своего друга и соправителя, грозного защитника Киева великого воеводу Свенельда, слышавшего весь разговор. – Он убьет Владимира в пути…

Либо княгиня Ольга забыла, что внук слышит каждое ее слово, либо хотела, чтобы он слышал все.

– Наш внук доберется до Новгорода водным путем, – как всегда спокойно и обдуманно, сказал Свенельд. – Он возьмет с собой своих богатырей, гридней и охрану. Кроме того, среди гребцов будут мои люди.

– Святослав знает твоих людей.

– Тогда это будут твои люди.

– А в Новгороде?

– Новгородский посадник Радьша пьет из моей ладони. Рядом – рубеж, и Владимира всегда успеют переправить за границы Новгородской земли.

– Но по дороге в Смоленск…

– Дорогу в Смоленск держат под присмотром разъезды младшей дружины смоленского князя Преслава.

– Но я…

– Не волнуйся, моя королева, – усмехнулся воевода. – Я переправлю в Новгород вослед за Владимиром его матушку, мою внучку Малфриду.

– Как же он там, в Новгороде? Кругом чужие, незнакомые. Другие обычаи, другие привычки…

– Среди чужих всегда свои найдутся, не тревожь себя понапрасну.

3

Владимир начал свой путь в настороженной, таинственной тишине. Молчаливые гридни переодели его в скромный наряд оруженосца и вместе с Ладимиром глухими переходами провели еще до утренней зари и в полной темноте на малую пристань. Там стояло черное судно, на которое друзей и посадили. Здесь их ожидал Добрыня:

– Дай руку. Проведу.

– Куда?

– Куда надо. Ладимир, держись за княжича. И чтоб без звука у меня!

Провел их на нижнюю палубу трехпалубной торговой насады, старательно спрятал под грудой веревок. Где-то совсем рядом лежали и богатыри, и это вселяло в княжича Владимира уверенность, что ни с ним, ни с Ладимиром ничего плохого случиться не может.

В тихой предрассветной мгле гребная насада отвалила от малоприметной пристани. Гребцы без единого всплеска опускали весла в воду, сильными гребками посылали судно вперед и столь же осторожно поднимали весла, беззвучно занося их для нового рывка. Войдя в Днепр, обогнули откос Дворцовой горы и, прижимаясь к правому берегу, повели тяжелое судно вверх по течению.

Когда судно отплыло подальше от дозорных глаз Киева, раздвинув веревки, в щель заглянул Поток. Как всегда улыбающийся от уха до уха.

– Наверх, без грохота. Скроетесь в пристройке кормчего. Княжича отведу сам.

Владимира с Ладимиром спрятали в пристройке, вскоре туда пробрался и Добрыня. Он почему-то боялся дышать на палубе и теперь шумно отдувался. Затем в пристройку без всякого уведомления вошел рослый молодец с развернутыми, широкими плечами опытного воина. Коротко, по-дружинному кивнул головой.

– Я, княжич Владимир, воевода личной дружины великой княгини Ольги. Зовут меня Яромиром, тебя, дядька Добрыня, знаю, и ты меня знаешь.

– Знаю, – сказал Добрыня. – Только почему ты не в белой с золотом рубахе?

– Белый цвет ночью заметен, Добрыня Никитич, а нам всем светиться ни к чему. Внизу на веслах не рабы, а мои воины. Все, кроме загребного и кормчего с помощником.

– Что, от этого мы быстрее плывем, что ли?

Добрыня ворчал не от ворчливости характера, а от несогласия с назначением нового защитника для княжича, защищать которого было клятвенной обязанностью его богатырей.

– Великая княгиня повелела мне доставить в Господин Великий Новгород новгородского князя Владимира целым и невредимым, Добрыня Никитич. Охота за ним уже идет, и ты, князь новгородский Владимир, на верхней палубе не появляйся.

– Это ж почему?

– Потому что опасаюсь стрел.

– Что ж, нам с ребятишками под палубами задыхаться? – продолжал ворчать Добрыня.

– Можно лежать на второй.

– А почему не на верхней?

– Потому что на верхнюю палубу стрелы залетают, Добрыня Никитич.

– Не только стрелы, но и свежий воздух тоже залетает. А мне муторно…

– Таково повеление великой княгини Ольги, – жестко сказал Яромир. – Нападения с воды не ожидаю, но мечи и стрелы должны быть под рукой.

– А где ожидаешь? – спросил Владимир. – Может быть, в Смоленске?

– Смоленский князь Преслав не признал власти Святослава и отложился от Киева.

– Смоляне частенько бунтовали, – проворчал Добрыня.

– Смоленский князь Преслав признаёт только власть великой княгини Ольги. У него добрая дружина, и туда люди Святослава и не помыслят пробраться.

– А куда помыслят?

– На Днепровские волоки. Смоленский князь Преслав обещал помощь. Отобьемся.

4

Долго, невыносимо долго плыли из стольного Киева в Господин Великий Новгород по Великому торговому пути из варяг в греки. Очень долго и очень медленно, но новгородский князь Владимир не уходил со второй палубы в сырые трюмы. Верхняя палуба чуть нависала над нею, никакая стрела не могла залететь сюда, и он понял, почему Яромир для отдыха выбрал именно вторую палубу.

Ветерка здесь хватало, и Добрыня перестал ворчать. Дремал рядом с друзьями-богатырями, изредка из-под прищуренных век поглядывая на Владимира и Ладимира.

Ночи были теплыми, звездными и ласковыми, и перед Владимиром медленно, как древний свиток, разворачивалась огромная земля Великого Киевского княжения. Бесконечные реки и речки, протоки и ручейки, озера и болота, непроходимые мрачные леса и веселые березовые рощи, полные радостного птичьего гомона, пугающе темных зарослей и неожиданного света. Распахнутые навстречу солнцу прибрежные луга, по которым бродили косули и олени, а порою виднелись и редкие селища из нескольких почерневших бревенчатых изб под соломенными крышами с обязательными погостами поодаль. Ни людей, ни скотины подле них почти не было видно, но Владимир не удивлялся этому. Он знал, сколь тяжко добывается хлеб на этой скудной земле, знал, что все, вплоть до самых малых детей, трудятся на ней от зари до зари, а домашняя скотина дорога. Ему все разъяснил Будислав, да и бабушка, великая княгиня.

Она много чего рассказывала. Много и о многом, но более всего о том, что все, все мироздание, вся красота земная сотворены Единым Сыном Господа Бога Иисусом Христом, и поэтому Владимир по ночам так любил рассматривать звездный небосвод, точно усыпанный зажженными светильниками. Его поражал порядок, царивший в небе и царивший на земле, где каждая тварь имела пищу и питье, где барс убивал косулю не ради удовольствия, а ради пропитания себе и своим детям. Все было продумано и все предусмотрено, и Владимир поражался, почему одни только люди нарушают этот порядок, убивая друг друга. Бабушка объясняла ему, что люди осуждены за первородный грех, за яблоко, которое Ева протянула Адаму в раю, но как раз в это он так и не смог поверить до конца. Он тогда согласился с ней, но сомнения упорно продолжали копошиться в его душе, продолжали скрести ее своими неутомимыми коготками.

Ведь протянув Адаму яблоко, Ева пробудила в нем любовь. А любовь всегда прекрасна. Он читал греческие мифы и знал, почему Елена протянула яблоко Парису, из-за чего и началась Троянская война. И здесь что-то не сходилось, что-то налезало друг на друга, и он никак не мог понять, то ли бабушка пересказывала ему миф о яблоке Елены Прекрасной, то ли Елена Прекрасная и есть библейская Ева, а Парис суть Адам, но тогда получалось, что все христианское учение основано на греческих мифах. А коли так, то оно не есть Слово Божие, а всего лишь пересказ древнегреческого мифа. А любовь не есть грех, а есть блаженство, ниспосланное людям.

Обсудив это с Ладимиром, Владимир рассказал о своих сомнениях бабушке. Великая княгиня очень тогда рассердилась, но привычно подавила гнев в душе своей. Хмуро помолчав, твердо сказала:

– Бог един.

– Но не у славян, – возразил Владимир. – У славян в каждом племени свои боги, нам Будислав рассказывал.

И опять великая княгиня подавила гнев ради любимого внука. Ответила, снова помолчав:

– Племенные боги славян розно несут Русь. Объединяет народы только единая для всех религия. Только единая, общая для всех вера.

– Единая? Тогда какая единая? Славянская или византийская?

Не ответила тогда великая бабка его. Ни слова. Только нахмурилась и вздохнула. И сразу же ушла в свои покои.

Ушла королева русов. А Владимир, глядя ночью в настежь распахнутое, щедро усыпанное сочными гроздьями звезд бархатное летнее небо, остался наедине с ее последними словами:

– Объединяет народы только единая религия. Общая для всего народа.

– Славянская или византийская?

Не ответила бабка. Молча ушла в свои покои.

Впрочем, ее последние слова его не тревожили. Улеглись где-то в пока еще гибких складках души, убаюкались. Но никуда не делись. Просто он отложил их на время, потому что был очень молод и еще не растерял способности бездумно смотреть в глубину неба.

Спали гребцы с помощниками, дремали дружинники, кроме их всегда бессонного командира. Спали богатыри, друзья детства и гридни-мечники. Спали все на бесконечно медленном пути из стольного Киева в Господин Великий Новгород. Не спал, кажется, один новгородский князь.

И Добрыня. Родной брат его матери Малфриды, переименованной в Малушу, дочери Люта Свенельдыча. Он всегда зорко приглядывал за княжичем. В лукавые щелочки глаз.

А Владимир надолго потерял сон с того мгновения, когда впервые разглядел, что мир людской населен разными существами. Мужчинами и женщинами, которые во всем отличались от мужчин. Ростом, голосом, смехом, волосами, походкой и… покроем самого тела. То было открытие, не только потрясшее душу, но и сотрясшее его тело. И это сотрясение лишило его сна. Он просто утратил способность спать.

Тогда ему казалось: он понял, почему это произошло и что вдруг засветилось в нем, вспыхнув, как звездочка на бархатном небосводе.

Владимир по-мальчишески наивно считал, что в нем проснулся его отец, великий князь Святослав, могучий и неукротимый. Ему приятно было думать, что именно он, Владимир, оказался единственным сыном, зачатым по горячей любви. Что отец именно в него перелил всю свою неукротимую и еще не растраченную в сражениях бешеную энергию. И что будущим законным сыновьям этого наследства не достанется. Потому что Святослав, конечно же, не любил, да и не мог любить свою законную жену, хотя она была какой-то там европейской принцессой. А раз не любил, то с великой досадой исполнял свой мужний долг. Всего-навсего с великой досадой исполнял долг, отдав всю свою любовь Малуше. И Малуша в любви и согласии родила ему старшего сына Владимира.

Как уютно мечтается в уходящем навсегда детстве. И с какой азартной радостью разбрасываются игрушки этого светлого возраста навсегда покидающего человека…

Медленно плывет насада против течения. И так же медленно поворачиваются звезды в небе. И ведь не сталкиваются друг с другом, хотя иногда и падают на землю. Бабушка говорила, что больше всего их падает в августе. Тогда начинается звездопад. Звездный праздник.

А праздники очень нужны людям. Самым обыкновенным, черни людской. Тогда эти люди забывают о своей черноте, весело смеются, весело, наравне со всем народом пьют брагу и пиво, и в каждом просыпается человек, готовый ответить на любое оскорбление, на пустяшную шутку, на косой взгляд. Он уже ощущает себя воином, он готов идти в бой, готов умереть – вот почему все площадные пиры и заканчиваются драками. Веселие на Руси рождает воинов.

Ох, как же медленно тащится насада против течения! То и дело застревает на песчаных косах, потому что на веслах сидят не гребцы, а воины, привыкшие к рукояти меча куда больше, чем к скользкому от воды веслу. Тогда вся команда и дружинники спускаются в воду и с криками стаскивают застрявшее судно. А как-то, когда насада ткнулась носом в песок, Добрыня один бросился в воду и один стащил насаду в Днепр.

– От вас крику больше чем дела, – недовольно проворчал он.

Да, такого богатыря, как брат его матушки Малуши, еще не видала Киевская земля…

У Днепра правый берег крут и обрывист, а левый – заливной. Песок река вымывает с правого берега, и Днепр медленно-медленно, на полпальца в год, сползает к закату. Об этом рассказал ученый грек, которого великая княгиня Ольга выкупила из рабства в Византии. Он неторопливо и обстоятельно разъяснял княжичу Владимиру и Ладимиру строго продуманное устройство мироздания. А они от нетерпения без конца перебивали его детскими «почему».

– Реки бегут с русской равнины, княжич, и Русь медленно, на полпальца в год, тоже сползает к закату.

– Может, там, за закатом, лучше живется?.. – тут же перебил ученого грека Владимир. – Больше войн, больше богатых городов, больше добычи, и люди довольны.

– А Русь степняки одолевают, – проворчал тогда Ладимир.

Великий воевода Свенельд однажды рассказал Владимиру, что раньше степняков было значительно меньше. Хазарский каганат стерег Волгу и не пропускал через нее кочевые орды. Просачивались только отдельные отряды, вот с ними-то и воевал великий воевода. А князь Святослав разгромил Хазарию, и с той поры Русь захлебывается от нашествия кочевников…

5

Селищ стало побольше, на полях стали появляться люди, а порою и кое-какая скотина. И Будислав тотчас же отметил, что скотина в этих местах куда хуже степной киевской.

– Зима длинная, снегов много. А сена мало, да и то бурьянистое.

– Бедно живут?

– Рожь сеют, – пояснил Будислав. – Рожь, просо, льны здесь богатые.

– И место не бедное, – усмехнулся Добрыня. – Смоленск с торговых караванов добрую мзду снимает.

– А сколько раз кривичам насмерть биться приходилось? То с поляками, то с Литвой…

– Подходим к столице кривичей Смоленску! – громко оповестил Яромир.

– Славяне – упрямые язычники, – неодобрительно заметил Добрыня.

– Да, язычники, – подтвердил Яромир. – Неплохо было бы, чтобы ты, княжич Владимир, принес жертву их главному богу Перуну.

– А где ее приносить?

– На Священном холме.

Владимир вспомнил: бабушка рассказывала, что ближайший сподвижник ее отца, Вещего Олега, поднял в Смоленске мятеж, взял под стражу смоленского князя и намеревался перехватить власть над всем войском Олега. Но смоляне восстали против изменника и заставили его идти с повинной к Вещему Олегу…

Насада ошвартовалась в Смоленске, стороже Великого торгового пути из варяг в греки. Земляные валы вокруг города, почерневшие от дождей избы, крытые соломой, крутой спуск к Днепру. Возле города в Днепр впадала речка Смядынь, где смолили суда после волоков. Добрыня пояснил, что город потому так и называется:

– По трудам людским. Смоленск.

И насада осталась на Смядыни, чтобы ее просмолили перед тяжкими волоками. Владимир же не знал, да и не мог знать, что именно здесь погибнет его любимый сын Глеб…

Яромир послал гонца к смоленскому князю Преславу с уведомлением, что доставил княжича Владимира, и просьбой принять внука великой княгини Ольги, и сразу же занялся подготовкой насады к волокам. А тем временем Владимир вместе с богатырской своей охраной и Ладимиром поднялся на Священный холм смолян-кривичей, на вершине которого стояла вытесанная из ствола могучего дуба статуя Перуна-громовержца. Владимир низко поклонился грозному богу войны и дружин, лично зарезал принесенного гриднями черного барана без единой белой отметины и щедро помазал круглый живот грозного божества еще горячей бараньей кровью.

– И ты помажь, – сказал он Ладимиру.

И Ладимир помазал тоже.

– Слава Перуну! – хором крикнули все, кто был с ними рядом. – Слава! Слава! Слава!..

Владимир вонзил окровавленный жертвенный нож в основание статуи, осмотрел валы города и вернулся на свою насаду. На речку Смядынь. Ответа от смоленского князя все еще не было, насаду старательно готовили к осмолению, и оставалось только ждать. Гридни развели костер, чтобы поджарить жертвенного барашка, а Владимир вдруг впал в глубокую задумчивость.

– О чем думу держишь, княжич? – спросил Добрыня.

– Что спросил, дядька?

– Спросил, о чем думу держишь.

– А… Много у славян богов?

– А у них каждый пень – бог. У кого Сварог, у кого – Стрибог, у кого – Мокошь, у кого еще кто-то, и у всех – Перун. Почему спросил-то?

– Подумал, когда Перуну жертву приносил: собрать бы в Новгороде Великом всех славянских богов. Славяне всех племен приходили бы жертвы им приносить, к нам бы привыкли, а мы – к ним. Может, и держава бы единая сложилась. Как мыслишь, дядька мой?

– Не богами держава крепка, княжич. Всякую державу мечи крепят.

– Мечи – снаружи, от врагов. А внутри?

– И внутри – тоже мечи. Вражина в доме куда страшнее вражины в поле, княжич.

– Ну уж… – проворчал вечно несогласный Ладимир.

– Не спорь!.. – оборвал его Добрыня.

– Если объединить все славянские племена, то и вражины в доме не будет, – сказал Владимир.

– Твоя мудрая бабка, великая княгиня Ольга, пыталась. Права им дала, законы, в дружины их стали брать. А они все равно по племенам разбежались. Вокруг своих богов жмутся и друг с другом дерутся.

– Людей всех племен собирает только вера в общего бога, – сказал Владимир. – Так бабка моя говорила. А все славяне веруют в Перуна. Все. Перун – главный, а уж потом Стрибог, Сварог, Даждьбог да какая-то Мокошь.

– Может – да, а может – нет, – вздохнул Добрыня. – Жареным запахло, чуешь? Пойдем к костру, а то в усердии гридни до угольков мясо зажарят.

До костра дойти не успели. У съезда к пристани появился боярин в шубе в сопровождении небольшой свиты с герольдом. Герольд оглушительно затрубил в рог, и боярин прокричал:

– Князь смоленский просит великого князя новгородского пожаловать в его хоромы!..

Глава вторая

1

Князь Преслав оказался немолод, кряжист, с плечами воина, но роста невеликого, почему и посматривал на богатырскую свиту Владимира снизу вверх. Одет он был парадно, на теплую аксамитовую рубаху было наброшено алое княжеское корзно с золотой застежкой на левом плече. Князь смоленский встречал их перед воротами в свои хоромы и умудрился первым поклониться новгородскому князю, что привело Владимира в смущение.

– Здрав буди, великий князь!

– Я не великий князь, – смущенно улыбнулся Владимир. – Я – князь новгородский…

– Кудесник сказал про тебя: «Великий!» А кудесник слеп от рождения своего. Сейчас он почивает. Он всегда почивает днем, а бодрствует по ночам. После трапезы я проведу тебя к великому кудеснику.

– Но еще будет день…

– Он ждет твоего появления. И наяву, и во сне. Прошу откушать, великие бояре! Прошу, прошу, прошу!..

Князь Преслав угощал дарами своей смоленской земли. Маринованным и слегка прокопченным медвежьим окороком. Чуть поджаренным нежным мясом косули с приправами из моченой клюквы и морошки. Вымоченной в рассоле зайчатиной, фаршированной еще не развернувшимися листьями хрена и молодыми елочками хвощей. Чуть тронутым душистым ольховым дымком осетром. Ботвиньей, а к ней – пирогами с вязигой. Томленными кундюнами, а вперебивку – гречневыми блинами. Ветчиной, запеченной на кленовых листьях. Карасями в сметане, щучьей икрой с брусникой, ушицей из стерлядки. Густым отваром из перепелов с пирожками. Знаменитой смоленской кашей из толченой гречи. Славным телячьим холодцом, присыпанным травами, и – на закуску – смоленским борщом на ветчинной кожице с расстегаями. А на заедку – сладкой кашей из ячневой крупы с медом и маком.

– Вкусная у князя еда, – отметил Ладимир.

За столом князь вел беседу и как хозяин, и как старший годами. Рассказывал о древнем – старики не упомнят начала – пути из варяг в греки, на котором богател Смоленск, приводя в порядок суда после тяжелых волоков и взимая пошлину за проезд по своим землям. О бесконечных варяжских набегах на земли Господина Великого Новгорода. О драчливости новгородских жителей, привыкших давать жесткий отпор бродяжьим варяжским отрядам. О красотах земли кривичей…

– А гнездо наше не здесь, не на этом месте. Гнездо племени нашего так и называется – Гнездово, а находится оно в одном поприще отсюда.

Там родовые курганы наши, где покоятся прадеды, там главное святилище наше и там же – великий кудесник. Вот к кудеснику этому мы, отобедав и отдохнув, и пойдем с тобой, великий князь.

– Я не великий… – начал было Владимир.

– Так сказал кудесник.

– Но…

– А спорить с ним нельзя. Он волхвовать станет, порчу напустит.

– Княжич спорить не будет, – проворчал Добрыня. – Это он пока еще смолоду, не устоялся еще.

– Но я и вправду не великий!..

– Так будешь! Будешь!.. – засмеялся Путята.

– Если от лени не разомлеет, – сердито буркнул Ладимир. – А ведь может…

– В святилище к старцу-кудеснику мы пройдем только вдвоем с великим князем, – невозмутимо продолжал родовой князь кривичей Преслав. – Вы, богатыри, ты, Ладимир, и прочая охрана за чертой ждать нас будете.

– Мы – Князевы хранители, князь Преслав, – строго сказал Добрыня. – С детства великая княгиня Ольга хранить его нам поручила.

– Сила кудесника выше земных сил великой княгини Ольги, богатыри. Так что отдыхайте, коли насытились, а там и в недальний путь.

– К кудеснику?

– Да. В Гнездово.

Вышли после отдыха крутым обрывистым берегом, вверх по течению Днепра. Долго шли молча, а потом князь Преслав сказал вдруг:

– Береги славянское единение, великий князь. На нем Киевская Русь стоит, не на пришлых варягах.

– Как его беречь? – вздохнул Владимир. – Столько врагов вокруг и внутри, что никаких мечей не хватит.

– Кудесник скажет, как беречь.

И замолчал. А впереди, в кустах, показались заросшие волосами по пояс косматые волхвы, берегущие тайное святилище. Молча пошли сзади, и Владимир чувствовал спиной их тяжелое, хриплое дыхание. Так, под конвоем косматой стражи, они спустились по крутому обрыву к Днепру и остановились перед входом в пещеру, вырытую в откосе.

Владимиру показалось тогда, что стояли они долго. Потом он почувствовал на лице какое-то легкое и приятное дуновение. И из темноты раздался рёв:

– Чую!.. Чую великого князя!..

Сзади кто-то чуть подтолкнул Владимира, и он, не оглянувшись, шагнул в густую темноту пещеры.

– Странно, но я все видел, – рассказывал он впоследствии. – Все повороты, все стены, ни разу не споткнулся.

И остановился сам, почувствовав, что ему повелели остановиться именно на этом шаге.

– Красное солнышко взойдет над Русью, – послышался глухой голос, и в полном мраке Владимир вдруг увидел заросшее седыми волосами лицо, ярко горящие глаза. – Взойдет и солнышком озарит всю землю русскую. Согреет и просветит.

Кудесник замолчал. Новгородскому князю Владимиру показалось, что по лицу старца бегут слезы.

– Только плата высока, – неожиданно тихим голосом сказал кудесник. – Своими богами славянские племена оплатят свет этого красного солнышка… – И горько вздохнул.

Исчез свет в песчаной пещере, но Владимир сразу понял, что ему следует выйти наружу, и точно знал, как это сделать, ни разу не наткнувшись на песчаные стены при частых поворотах.

– Хвала и слава великому киевскому князю Владимиру! – крикнул смоленский князь Преслав и преклонил колени перед вышедшим из пещеры Владимиром.

2

Пока смоленский князь угощал обедом гостей и водил Владимира к кудеснику, насаду их осмолили и подготовили к волокам. К рассвету она впитает смолу, и можно продол-

жить плавание. Поэтому они простились с гостеприимным смоленским князем, объяснив, что с рассветом направятся к первым волокам.

– Ступайте. А ты, воевода, задержись.

Яромир остался. Все уже разошлись, но смоленский князь задумчиво молчал.

– Сказать мне что хотел, князь Преслав?

– Что?

– Сказать…

– Да.

Князь Преслав вздохнул, сокрушенно покачал головой.

– Дамский волок – самое удобное место для внезапного нападения. Он длинный и извилистый. Работы там тяжелые, медленные, вязкие, потому как каждое судно по-иному перетаскивать приходится. Даже охрана этим тяжким трудом занимается. А готовность воина жарким потом истекает, и сам это знаешь, и враги это знают.

– Знаю, князь Преслав.

– Я к волокам своих дружинников направил – вроде как рабочую ватагу. Велел им мечи да стрелы до времени припрятать. Если там какой перехват намечен, так на их помощь можешь без опаски положиться.

– Прими мою благодарность, князь Преслав.

– Ступай, воевода, – вздохнул князь кривичей. – И помни, что я сказал.

Яромир молча поклонился и вышел.

Гридни и стража, вернувшись после княжеского пира на насаду, сразу же завалились спать. Добрыня прилег на верхней палубе. Он не спал, искоса наблюдая за молчаливым Владимиром. Заметил вдруг, что его питомец улыбнулся и приветливо замахал рукой.

– Кому машешь, княжич?

– Князю смоленскому Преславу. Он провожать пришел и почему-то стоит на коленях.

– Почему-то… – усмехнулся Добрыня. – А как ему еще стоять, прощаясь с великим князем?

Владимир помолчал. Потом сказал нехотя:

– Нагадал мне этот кудесник, что будто бы стану великим князем.

– А мне ты, стало быть, не веришь, – с обидой вздохнул дядька. – Тебе кудесник нужен.

– А я верю кудеснику, – подхватил Ладимир.

– Не хочу, – объявил вдруг Владимир.

– Чего ты не хочешь?

– Знаю, что буду великим киевским князем, мне еще бабка моя, великая княгиня Ольга об этом говорила. Потом – ты, дядька мой. Потом – этот кудесник в пещере.

– Будешь, будешь ты великим князем, – очень серьезно сказал Ладимир.

– Будет, – снова усмехнулся Добрыня.

– Через кровь шагать? Это ж сколько прольется крови безвинной ради великокняжеского престола!.. Стоит ли он того, дядька мой?

– Стоит, княжич, стоит.

– А мне мнится, что нет, не стоит. Кровь куда больше важит, чем спесь княжеская, дядька ты мой дорогой. Куда больше…

– Ладно, спи, – с неудовольствием проворчал Добрыня. – Без крови на Руси ничего не случается.

– А почему?

– А потому… – начал было Ладимир.

– Спать!.. – рявкнул Добрыня.

Все примолкли.

И снова медленно тащилась тяжелая насада против течения. Привыкшие к мечам и сражениям дружинники Яромира изнемогали на веслах, и кормчий своей волей распорядился об их отдыхе через каждые три часа. Неугомонный Поток-богатырь был этим очень недоволен, почему и обратился сразу к княжичу:

– Так мы до заморозков тащиться будем!

– Надо же гребцам отдохнуть, Поток.

– Надо.

– А твои богатыри на что тут? Добрыня, поднимай всех – и на весла, пока гребцы дух переводят!

– А что? Разомнем силушку!.. – сказал Добрыня, поведя мощными плечами. – Не скучай, княжич.

Насада сразу пошла быстрее, не отстаиваясь через каждые три часа. Богатыри легко управлялись с веслами, на всю округу распевая песни.

– Время богатырей, – заметил Ладимир.

Владимир улыбнулся:

– Порою ты говоришь верно.

Это время и впрямь оказалось временем богатырей. Богатырская сила и отвага стали примером для всей Киевской Руси, и во многом благодаря его отцу великому князю Святославу, сокрушившему Хазарский каганат. О нем слагали песни и былины, его мужеством и мужеством его сподвижников восхищались киевские отроки, мечтавшие когда-нибудь пополнить ряды его не знающих поражений дружин. Мечтали о мече, битвах и славе…

Дни были длинны, а короткие ночи светлы и таинственно-тихи. Все спали по три-четыре часа, и этого хватало, чтобы грести без отдыха. Просто богатыри меняли гребцов, а гребцы – богатырей, и эти дружеские подмены тоже были для Владимира чем-то новым и необычным. Он обладал не только удивительной памятью, но и способностью подмечать даже крохотные изменения в общем потоке жизни.

Так догреблись до реки Ламы, притока Днепра. От ее волоков начинался сложный и извилистый путь через волоки в иные реки и озера, за которыми лежали земли самого Господина Великого Новгорода, а за ними путь пролегал и далее, к холодному Балтийскому морю. На волоках трудились рабочие артели под руководством опытных мастеров, получавшие от соседних княжеств еду, а с проходящих по волокам судов – плату, за которую и работали. Экипажи судов при этом обязаны были помогать мастерам волока без всякой оплаты.

В устье Ламы неожиданно остановились под крутым песчаным обрывом.

– Чего это вдруг весла сушить вздумали? – удивился нетерпеливый Поток.

Никто не успел ему ответить, как в пристройку кормчего вошел Яромир.

– На порогах ожидаю боевой встречи с неприятелем, – сказал он. Дозоры князя кривичей Преслава донесли ему о тайных передвижениях воинов князя Святослава. – Добрыня Никитич спрячется с княжичем Владимиром и Ладимиром под второй палубой. Остальные богатыри будут помогать на самом волоке. Мечи припрятать, чтоб под рукой были.

– А я, значит, там, на мокрых досках, – с глубокой обидой проворчал Добрыня. – Я – там, в сырости, а моя дружина – тут, на ветерке. А я один…

– С мечом уже не один, – Яромиру очень нравился Добрыня, и он всегда говорил с ним, припрятав улыбку. – А если кто из воинов князя Святослава в насаду заглянет? Тогда биться будешь насмерть, хоть лежа, хоть на карачках. Тебе, Добрыня Никитич, великая княгиня Ольга защищать его поручила, а мне – решать, кто, где, когда исполнять это будет.

В первом в своей жизни сражении, которых оказалось впоследствии предостаточно, княжич Владимир не только не участвовал, но даже и не видел его. Он его слышал. Слышал звонкие удары мечей, последние всхлипы умирающих, стоны раненых и дикие крики.

Он лежал под двумя палубами, и сердце его замирало не столько от страха, сколько от собственного бессилия.

«А у меня вокруг Днепровских порогов сперва рабов с поклажей в цепях переводят, – подумал вдруг Владимир и в думах своих впервые сказал о Киевской Руси “у меня”, не обратив никакого внимания на собственную оговорку. – А уж потом волокут и сами суда…»

В трюм насады заглянул Путята:

– Ты живой там, Добрыня?

– Жив покуда.

– Ну так на солнышко вылезайте. Отбились мы.

Подошел и Яромир.

– Большие потери? – спросил его Владимир.

Спросил первым, хотя по возрасту был младше всех. Странно, но он все больше и больше ощущал себя хозяином всей этой огромной земли. От пенистых Днепровских порогов до свинцовых вод озера Нево. С каждым взмахом вёсел насады он, всегда такой светлый, приветливый, любивший шутку, острое словцо, шумные пиры, становился все угрюмее. Что-то менялось в нем, словно старая тетива лопнула и судьба неторопливо натягивала на его открытую всем душу новую, тугую тетиву.

– У меня один убит, двое ранены, – доложил ему Яромир, тоже внезапно почувствовав право новгородского князя на старшинство. – В дружине смоленского князя потери больше. Шестерых убили, троих ранили. Воздадим погибшим последнюю хвалу, тризну справим и дальше двинемся. Добрыня Никитич, помоги своими богатырями рабочей артели.

– Добрыня поможет рабочим артелям, – сказал Владимир. – А тризну по погибшим будем справлять, когда пройдем пороги. На Ильмень-озере.

– Что-то княжич всеми распоряжается? – с неудовольствием спросил Будислав.

– Ты, что ли, распоряжаться хочешь? – задиристо вскинулся Ладимир.

– Не трожьте его, – негромко предупредил Добрыня. – Он ярмо примеряет.

– Какое ярмо?

– Великокняжеское. Самое тяжелое и самое тесное. До задыха.

Странное напряжение, вдруг охватившее Владимира, отпустило его, как только насада неторопливо вплыла в озеро Ильмень. Огромное, с пологими берегами, внешне очень спокойное и приветливое, оно обладало коварством, рассказы о котором из поколения в поколение передавались жившими на его берегах рыбаками. Открытое всем ветрам, озеро Ильмень часто превращалось в бушующую водную стихию. И тогда гибли суда, лодки, товары и люди. И угадать капризный нрав озера пока не удавалось никому, даже самым опытным и прозорливым рыбакам.

– Родина предков моих! – громко провозгласил Владимир. – Родина прадеда Рюрика, родина прадеда Олега, за мудрость свою прозванного Вещим! Во славу их – наш пир семидневный и наши песни!

Попировать не успели. Неожиданно от двух низменных берегов озера, заросших камышом, почти одновременно отчалили две лодки. Быстро и расчетливо они шли наперерез их судну.

– Прикрыть князя Владимира! – крикнул Яромир. – Лучникам бить по гребцам, мечники, к бою!

Добрыня тут же сграбастал княжича, подмял под себя, хотя Владимир отбивался изо всех сил и кричал:

– Лук!.. Лук и стрелы!..

Лучники великой княгини Ольги били по лодкам неспешно и только прицельно. Атакующие лодки качало на волнах, покачивало и насаду, и далеко не все стрелы попадали в цель.

Однако лодки уже начали разворачиваться к берегам, чтобы отойти подальше от стрелков. Тут и новгородский князь сумел выкарабкаться из-под Добрыни:

– Лук мне!..

Будислав, первым оценив малые силы неизвестного противника, кинул княжичу свой лук и колчан со стрелами:

– С колена бей, княжич! Меньше качает.

– И мне лук!.. Мне!.. – кричал Ладимир.

Атаку отбили быстро. Получив отпор, лодки, с трудом развернувшись на волнах, спешно ушли в камыши. Но за это время Владимир успел расстрелять полколчана.

– Неужто Святославова засада? – спросил Добрыня. – Не верится что-то…

– Ушкуйники, – пояснил Яромир. – Привыкли дань взимать с проходящих купцов.

– И нарвались! – засмеялся Путята.

– Не разобрались, – усмехнулся Яромир. – Насада-то у нас торговая.

– Я же и говорю, что нарвались!

– Значит, больше не сунутся, – подытожил Будислав.

– А теперь – тризна, пир, песни, веселье! – странным еще для себя тоном («княжеским», как определил Добрыня) повелел будущий великий князь Владимир.

Он был счастлив. Он участвовал в своей первой битве, он стрелял и в него стреляли. И всю жизнь потом Владимир отсчитывал свои сражения с битвы на Ильмень-озере.

Отплыли в сторону от привычного пути следования судов, остановились в непролазных зарослях камыша, чтоб никто не мешал, и за всем этим не заметили, что быстроходный струг под добрым парусом и с двумя парами опытных гребцов скользнул мимо, держа направление на Господин Великий Новгород.

Семь дней пировали – дым коромыслом. Добрыня подстрелил в роще косулю, Будислав и Ладимир выволокли на берег двух пудовых сомов, мирно поджидавших лягушек в камышах. И первым, кому воздали громкую хвалу и славу, был воевода великой княгини Ольги Яромир. А потом распевали дружинные и богатырские песни, хохотали до слез над ядреными шутками Путяты, неутомимо плясал Поток…

На восьмой день встали тихой озерной зарею, когда вода чуть подсвечивает от еще не появившегося на небосводе солнца, когда чуть холодит плечи то ли легкий рассветный ветерок, то ли крепкий вчерашний хмель. И молча – шуметь не хотелось, да и невозможно было шуметь над еще спящим озером – выплыли из камышей и неспешно тронулись к землям Господина Великого Новгорода, которые начинались чуть выше устья Ловати.

Князь новгородский Владимир уверенно плыл к своему первому княжескому престолу.

И лишь на второй день пути по Ловати их неторопливую насаду встретил распашной быстроходный струг. На корме сидел великий киевский воевода Свенельд. Повелел остановиться, Владимиру – пересесть в струг, а стругу – плыть к берегу. И как только пристали, сошел на берег, жестом пригласив Владимира следовать за собой.

– Я – с дурными вестями.

– Говори, великий воевода.

Свенельд вздохнул.

– Твоя бабка великая княгиня Ольга окончила трудные дни свои на этой земле.

– Как?!

– Еще не всё. Матушка твоя Малфрида пропала без вестей.

– Куда пропала? Матушка моя пропала? Как так – пропала?

– Навсегда.

– Навсегда, – горько повторил Владимир.

Помолчали, скорбно склонив головы.

– И еще не всё, – сурово продолжил великий киевский воевода. – Святослав хочет поделить Киевскую Русь между сыновьями на уделы.

– Передерутся, – усмехнулся Владимир.

– Возможно, – согласился Свенельд. – Но после того, как совместно расправятся с тобой.

Владимир тяжело вздохнул:

– Матушки моей больше нет. И бабки больше нет. Советчика моего.

– Нет королевы русов, – вздохнул и Свенельд. – Опустела наша земля. И закачается все.

– Может, об этом и говорил мне слепой кудесник в пещере над Днепром?

– Они считают тебя незаконным, – вдруг сказал великий воевода, не обратив внимания на его слова. – По повелению Святослава я вынужден буду служить его старшему сыну.

– Но…

– Помолчи. Новгородцы и рады бы тебя защитить, но у них не хватит на это сил. Я оставил для тебя золото. Уйдешь вместе с охраной за рубеж, наймешь на это золото варягов и вернешься в Новгород, когда начнется кровавая свара на Руси.

– Я понял, великий воевода.

– Воевода… – Свенельд невесело усмехнулся. – Расстаемся навсегда, так что узнай правду из первых уст. Твоя мать Малуша – моя внучка, дочь моего сына Люта Свенельдыча. Стало быть, я – твой прадед. И нещадно мсти тому, кто осмелится сказать, что ты – сын рабыни. Прощай, внук.

Он крепко обнял растерявшегося от этих новостей Владимира, прижал к груди.

– И помни: вовремя скрыться за рубеж и вовремя вернуться с нанятыми варягами.

Глава третья

1

В двух поприщах от Великого Новгорода новгородского князя на распашной четырехвесельной ладье встретил посадник Радьша. Уже в летах, как и положено быть посаднику, но еще сохранивший живость и ироническую усмешку в глазах.

– Буди здрав, великий князь!

– Не великий еще. Не спеши.

– Смоленский князь Преслав первым поздравил тебя, а ему виднее.

– Первым поздравил я, – вдруг вылез Ладимир. – Еще в детстве, когда…

– Первым поздравил меня мой дядька Добрыня Никитич. И сказал, что на Руси за власть платят кровью. А я не хочу крови. Не хочу. Так что лучше расскажи, как меня в твоем вольном городе встретят.

– Перебирайся на мою ладью, великий князь. Тут все тебе и поведаю.

Неожиданно в их добродушную беседу вмешался Яромир.

– Великая княгиня Ольга повелела мне, воеводе Яромиру, доставить великого князя Владимира в Господин Великий Новгород. А он – за твоей спиной, посадник. Стало быть, повеление великой княгини еще не исполнено. Оно будет исполнено только тогда, когда я доставлю великого князя в Новгород и когда буйные новгородцы признают его власть, – непреклонно сказал он.

– Великая княгиня закончила свои дни… – со скорбным вздохом начал было посадник.

– Знаю, – брови Яромира сурово сошлись на переносице. – Княгиня закончила свои светлые дни, но не отменила своего повеления.

– Это справедливо, воевода Яромир. Повеление великой княгини должно быть исполнено.

– Тогда, посадник, насада станет впереди. Ты, посадник Радьша, можешь пересесть на насаду, гребцы тоже, а ладью привяжем к корме.

– Все слышали? – спросил посадник своих гребцов. – Исполнять повеления воеводы великой княгини Ольги без промедления.

Гребцы перебрались на насаду, лодку привязали к корме, и по команде Яромира гребцы подняли весла.

Здесь не ожидалось никаких нападений, и потому Владимир вместе с посадником сидел на верхней палубе. Впрочем, рядом находился Добрыня, всегда готовый прикрыть нового новгородского князя.

– Твой отец, великий князь Святослав тоже начинал свой путь к великокняжескому престолу в нашем городе, – неожиданно вспомнил посадник.

Он явно нащупывал тропу к будущему разговору. Это Владимир понял.

– Разве с тобой не говорил великий воевода Свенельд, посадник?

– Воевода оставил для тебя золото.

– Оно поможет мне в твоем городе?

– Нет. Это золото проложит тебе дорогу к стольному граду Киеву.

«Лукавит, – подумал Владимир. – Зачем? Что он хочет получить от меня?» И спросил:

– А как меня встретят в Господине Великом Новгороде, посадник?

– Так, как в Новгороде исстари всех киевских князей встречают. Ну, заорут, конечно, что никакой князь им не нужен, что сами со всем миром управятся, – добродушно ответил

Радьша. – Ну, подерутся, конечно. А так все ладно. Когда драться начнут, ты, князь, свое слово скажи. У тебя найдется такое, чтоб звучно отозвалось?

– Найдется, – улыбнулся Владимир. – У моих богатырей давно уж кулаки чешутся.

– Ну и славно.

– А коли до смерти прибьют?

– Значит, сам виноват. Противника, княжич, нужно по силам выбирать.

И так сказал, что Владимир сразу все понял.

– Об этом и говорил с тобой, посадник Радьша, великий воевода Свенельд?

– Поговорили по душам. Ты уйдешь за рубеж, как только новоявленные удельные князья зашевелятся в жалованных им гнездах.

– Они пограбят Господин Великий Новгород, посадник Радьша.

– Пограбят, но – в меру. Уберут моих людей, но меня вряд ли тронут. Я лицо выборное, за меня не только новгородцы вступятся. Уйдут и начнут целиться друг в друга. А тут ты вернешься с варяжской дружиной.

– Варяжской?

– А зачем нам усобица?

– Вот и прольется кровь, – вздохнул Владимир. – Много прольется крови, посадник.

– Много, – согласился Радьша. – Твой дядька Добрыня Никитич правду тебе сказал. Власть без крови не добудешь, великий князь.

– Я еще не великий князь.

– Тебе это предрек слепой кудесник в селище Гнездово под Смоленском.

– Откуда ты знаешь?

– Знаю.

– Но мы одни были в пещере.

– Слухами русская земля дышит.

Владимир вздохнул, сказал с горечью:

– Не по плечам ноша.

– Богатыри помогут. Покойная великая княгиня Ольга всех богатырей под тебя собрала.

– Бабки у меня больше нет, посадник. И матушка моя пропала.

– Знаю, князь Владимир.

Помолчали. Потом Владимир, еще раз горько вздохнув, произнес:

– Ну, веди в княжеский дворец.

– Туда нас и везут.

Княжеский дворец располагался за городской чертой, почему новгородцы и не обращали на него никакого внимания. Кормчий знал к нему протоку, и тяжелая торговая насада вскоре там и ошвартовалась. И все быстро, чтобы не привлекать внимания, сошли на берег. В том числе и воины Яромира.

– Разве ты не возвращаешься в Киев? – Владимир был очень удивлен.

– Повеление великой княгини не может быть отменено, новгородский князь.

Эта новость обрадовала юного новгородского князя. Он сразу понял, что опытная, проверенная в боях дружина расчетливого и решительного Яромира поможет ему справиться с неукротимым свободолюбием новгородцев.

– Я выеду в Новгород через два дня. Ты со своей дружиной останешься здесь.

– Я знаю, когда мне появиться, князь.

Передохнув, все обдумав и обговорив с Ладимиром, новый новгородский князь все же долго не мог собраться с духом. На это как раз и ушло целых два дня.

– Корзно великокняжеское накинуть не забудь, – посоветовал Ладимир.

– Зачем? Я не великий князь.

– Будешь. Если накинешь.

Лишь на третьи сутки Владимир вместе с Ладимиром выехал в Новгород, оставив Яромира с дружиной на Княжьем Дворе.

Он сразу ожидал яростного отпора, драки – но новгородцы пока никого не тронули, хотя на вечевой площади их было предостаточно.

– А говорили – «новгородцы», – проворчал Добрыня. – Тут и не подерешься…

В княжеском дворце Владимир по совету Ладимира все же надел парадный княжеский наряд, украшенный присланным из Византии золоченым оружием. Он очень волновался, в голове было пусто, и о чем говорить со своенравным новгородским народом, он не знал. Но был уверен: сказать какие-то слова просто необходимо…

– Говори от сердца, – посоветовал Ладимир.

Так он и не придумал ничего путного. А тут прибыли тиуны посадника с герольдом и трубачом. Ждать больше было уже невозможно, площадь бурлила, гомонила, ругалась, а кое-где уже и дралась для разминки и поднятия настроения. И новый новгородский князь вышел к посланцам и покорно поплелся в торжественной процессии, понимая, что он проиграл свой первый день.

Ревела труба, кричал герольд:

– Дорогу князю Владимиру Новгородскому! Дорогу князю Владимиру Новгородскому!..

Пропустили. Даже на помост перед палатой, в которой заседали реальные правители Господина Великого Новгорода, «Золотые пояса», подняться помогли. Правда, Владимир не видел, кто именно. То ли новгородцы, то ли богатыри, то ли Ладимир, то ли тиуны посадника.

Вновь взревела труба. Смолк гомон на площади. Потом герольд прокричал:

– Посадник Господина Великого Новгорода представляет вам, новгородцы, князя Владимира!

И тут началось…

– Не желаем его! – вразнобой заорала площадь. – Незаконный он! Незаконный!.. Сирота безродный, сирота!.. Вон ублюдка!..

И почему-то сразу же вспыхнула драка. Кто кого бил, Владимир не понимал. Все били друг друга.

– Пошли богатырей, – сказал ему посадник.

– Ступай, дядька, – повелел Владимир Добрыне, стоявшему за его левым плечом.

– Ну что, ребята, разомнемся малость для порядка? – спросил Добрыня.

И первым стал неторопливо спускаться с помоста. За ним шли Поток, Будислав и Путята. Четырьмя волнорезами они разделили столпившихся у помоста новгородских ротозеев и вышли на простор вечевой площади, на которой непонятно кто, кого и за что именно бил.

И драчуны стали падать один за другим как подкошенные. Такого Новгород еще не видывал. Богатыри били не задумываясь, не готовясь и как-то неспешно, что ли. Троих убили насмерть, четверых сбросили в Волхов, двое из них утопли. И площадь замерла.

– Ну и бьют!.. – ахнул Ладимир.

– Останови, князь, – сказал посадник. – Они полгорода перебьют.

– Не отзывай! – крикнул Ладимир. – Пусть колотят, чтоб знали нас тут!..

Отозвать своих богатырей Владимир не успел. Площадь внезапно взревела каким-то иным ревом, яростным и негодующим. Откуда-то вдруг появились мечи, копья, дреколье. Из толпы неожиданно выдвинулись рослые молодые мужчины, широкие, развернутые плечи которых наглядно доказывали их умение не только сражаться, но и навязывать противнику свою манеру сражения в этом городе.

– Отзови стражу, князь Владимир! – громко крикнул посадник. – Немедля отзови стражу!..

– Добрыня! – что есть силы заорал новый новгородский князь. – Уводи богатырей! Уводи!..

– Уводи, Добрыня!.. – кричал и Ладимир.

Добрыня не успел отдать приказ, и его бы смяли на вечевой площади, но…

Раздался согласный топот копыт, и на площадь, давя тех ротозеев, которые не успевали уступить дорогу, карьером вылетела добрая сотня конников Яромира. Промчавшись по периметру вечевой площади, конники Яромира развернулись перед палатой «Золотых поясов». Середина площади быстро стала пустеть, и первыми с нее исчезли рослые молодцы с развернутыми плечами профессиональных воинов.

На площади стало непривычно тихо. Казалось, буйные новгородцы и дышат-то через раз.

И все замерло.

– Что молчишь? – шепнул Ладимир.

– Говори, князь, – твердо сказал посадник.

– Да, незаконный я сын, – тихо и не очень уверенно начал новый новгородский князь, но замершая площадь слышала каждое его слово. – Но я – законный внук. Законный внук великой киевской княгини Ольги. Великий воевода Свенельд сказал мне, что оставила она этот свет, нет ее больше. Нет моей бабки, королевы русов. И матушки моей больше нет. Пропала моя матушка. Вот теперь я и вправду сирота.

Он замолчал. Молчала и площадь.

– Мой отец, великий киевский князь Святослав разделил Киевское Великое княжение на уделы. Старшему сыну, Ярополку, отдал Киев, Олегу – Овруч. И сам отказался от Великого Киевского княжения, заявив, что построит собственное княжество в Болгарии. Как по-вашему, что сделают братья в первую очередь? Первым делом они объединятся, чтобы совместными силами уничтожить ме-ня. И вас. Вас, вольные жители Господина Великого Новгорода.

Он опять замолчал, ожидая, что новгородцы отзовутся возмущенными криками. Однако площадь упорно помалкивала, предпочитая слушать.

– Говори, княжич… – шепнул Ладимир.

– Новгороду своими силами от них не отбиться. А взяв город, победители отдадут его на разграбление. И я, рассудив, решил временно укрыться за рубежом. Там найму бывалых варягов и вернусь с ними, чтобы утихомирить моих чересчур воинственных братьев.

– А зачем тебе уезжать, князь? – крикнули из толпы. – Варягов и здесь нанять можно.

– Чтобы они грабили вас или других мирных славян? Нет, новгородцы, я найму не просто варягов. Я найму воинов, которых там достаточно. И положу им плату не только за помощь, но и за то, чтобы никого из славян не трогали. А освободив наш с вами вольный город, поведу их на братьев. Разгромлю Ярополка и Олега в боях, возьму Киев и заставлю всех признать меня великим киевским князем!

Площадь глухо зароптала. По ропоту невозможно было понять, согласна она с новым новгородским князем или нет. И Владимир выкрикнул:

– За помощь, оказанную мне, я пожалую Новгороду охрану и порядок, одарю новыми свободами, золотом и правом вольной торговли!

– Хвала князю Владимиру! – громко, на всю площадь выкрикнул Ладимир. – Хвала и слава!

– Князю Владимиру хвала и слава! – поддержал его Добрыня.

И площадь не очень дружно, но подхватила:

– Хвала и слава!..

– А сейчас пир! – громко объявил посадник. – Гуляй, народ новгородский!..

Площадь взревела восторженными воплями. Это была именно та разрядка, которую все ждали.

– Ух, пронесло… – выдохнул Ладимир.

Через два дня после того знатного пира Владимир со своими богатырями и верным Ладимиром выехал за рубеж. На туманном рассвете, тихо и незаметно. И очень многие в Новгороде думали, что он просто сбежал…

Яромир отказался идти с ним за рубежи земель Великого Новгорода. Отошел со своей дружиной в порубежные леса, где и приготовился ждать возвращения князя Владимира.

2

А за полгода до этого побоища на вечевой площади Господина Великого Новгорода старший сын Свенельда Мстислав Свенельдыч, убийца великого князя Игоря, прозванный за это жестокое деяние Лютом Свенельдычем, отец Малуши и Добрыни, выехал на охоту в древлянские леса.

Мстиша считал себя самым счастливым человеком на земле. С благословения отца, великого воеводы Свенельда, и с согласия древлянского князя Мала он взял в жены приемную дочь Мала красавицу гречанку Отраду. Мстислав Свенельдыч жил с нею в ладу и любви, и она в любви и ладу родила ему нежную Малушу и богатыря Добрыню.

Киевские сторонники князя Игоря не только прозвали Мстислава Свенельдыча Лютом, но и дважды пытались убить Отраду. Свенельд предлагал спрятать Отраду у великой княгини Ольги, но Отрада сказала, что она не оставит мужа, а вот детей на всякий случай следует переправить в Киев. С помощью торков, отвлекших внимание от северных путей, Свенельду кое-как удалось перевезти внучку и внука под опеку великой княгини.

Шли годы, Отрада и Мстиша Свенельдыч жили спокойно и счастливо в неприступном замке князя Мала под надежной охраной его дружинников.

Счастье расслабляет, о чем не раз говорил им великий воевода Свенельд. Говорил, объяснял, предупреждал, приводил примеры из собственной жизни. Особенно Мстише, потому что именно его рука оборвала жизнь последнего Рюриковича.

И это ведь Мстише, а не Отраде, захотелось глухаря в чесночной подливе с маринованным черносливом. Отрада сказала, чтобы Мстиша взял охрану, он, конечно же, пообещал, но никакой охраны брать не собирался. Леса были князя Мала, здесь никто, кроме него, не имел права охотиться. А Мстислав Свенельдыч знал токовище глухарей, и время было подходящим, поэтому он выехал один, прицепив меч к поясу скорее по воинской привычке, чем по необходимости.

Подъезжая к сухим болотам, где любили токовать глухари, он услышал голоса. Понял, что охотники, и перехватил их на небольшой поляне.

Охотников было десятка два. Конечно, следовало сначала посмотреть на них, а уж потом выезжать на поляну, но Лют был отчаянным воином, к тому же чувствовал себя в этих лесах хозяином, а потому и окликнул со всей строгостью:

– Чьи вы люди и откуда будете?

– А сам-то кто таков, чтобы спрашивать? – нагло поинтересовался какой-то парень.

– Я зять древлянского князя Мала, в лесах которого вы охотитесь.

– Лют Свенельдыч? – спросили из-за куста.

Оттуда выехал молодой человек в одежде простого дружинника, но в нарядной шапочке с пером.

– Да, Мстислав Свенельдыч…

– Убийца великого князя Игоря?

– Я…

Мстише не дали договорить. Раздался общий рев, из которого вырвался возглас:

– Смерть убийце великого князя!

Мстиша выхватил меч. И вовремя: на него уже бросились двое. Он легко отбил их удары, ударил сам, свалив одного из нападавших, развернулся ко второму, и тут на него навалились впятером. Он сумел поразить еще троих, но из его рук выбили меч. Мстиша поднял коня на дыбы, свалил им еще одного челядина, однако силы были слишком не равны. Его ударили мечом в спину, сбросили с коня и…

И все было кончено.

Свенельд ни словом не обмолвился Владимиру о подлом убийстве его деда. С убийцами он должен был расправиться сам.

И он – расправился.

3

Совместные силы Ярополка и Олега ударили по Господину Великому Новгороду. Новгородцы не сопротивлялись, объединенные силы княжичей вошли в Новгород, немного пограбили, заменили выборную власть своими людьми и ушли восвояси. Владимира там не оказалось, поход был затеян впустую.

Владимир же тем временем искал варягов, и его глашатаи во главе с Ладимиром надрывали глотки на всех городских площадях. Изнывавшие от безденежья и безделья воины-профессионалы спешили на зов глашатаев со всех сторон.

Их встречал Добрыня со своими друзьями. Предлагал положить на землю мечи и ножи, а потом распределял варягов, исходя из силы и роста.

Дальше все зависело от самого варяга. Против него выходил кто-либо из богатырей и без разговоров сразу же бил кулаком. Если варяг после удара вскакивал и тут же бросался в бой, его брали в дружину. Если уклонялся от схватки, безжалостно исключали из числа наемников.

Годных записывал Ладимир. И всех претендентов при этом запоминал:

– Этот уже сватался, Добрыня Никитич.

Выгоняли с улюлюканьем.

Это длилось не один день и не одну неделю. Владимир не торопился, желающих служить под его командой было предостаточно, а введенный Добрыней принцип отбора позволял определять самых упорных и самых умелых.

Отобранных проверяли не только кулаками. Пройдя кулачное испытание, они проходили затем и испытание в поединках с богатырями на учебном оружии. И только после этого учебного боя зачислялись в дружину по рекомендации хотя бы одного из приятелей Добрыни или его самого.

Так отсеивались нестойкие. И оставались только те, кто и вправду не боялся ни боли, ни крови.

Владимир вернулся из-за рубежа вскоре после ухода братьев-княжичей и вернулся с двумя тысячами закаленных в боях варягов. Разместил он их не в городе, а в трех поприщах от него, чтобы не возникало никаких осложнений ни с новгородцами, ни с новгородской властью. Повелел командиру варягов ничего не предпринимать без его указаний, оставив с ними для контроля Ладимира. А сам приехал в Новгород и первым делом выгнал всех новых посадников, тиунов, тысяцких и прочих, которых насадили братья-княжичи.

– На братьев изготовился? – спросил возвращенный в главное кресло посадник Радьша.

– Зачем? – искренне удивился Владимир. – Они друг дружку и без моей помощи сожрут.

Радьша помолчал, подумал, а потом спросил:

– А где Яромир с дружиной великой княгини?

– Ждет, пока я нагуляюсь вдосталь.

Владимир хорошо продумал, как ему следует поступать. Весь свой путь от Господина Великого Новгорода до Киевского великокняжеского престола продумал.

Посадник это понял. И усмехнулся:

– А может, ты и прав, князь Владимир. Гуляй звонко, чтоб до братьев донеслось.

– Да уж донесется. Только о варягах не забывай.

– Кормить буду, а в Новгород не пущу.

– И пошли за Ладимиром.

– Все исполню, князь.

После появления Ладимира новгородский князь вообще перестал чем-либо заниматься. Бражничал с Ладимиром и богатырями, развлекался охотой, а больше всего любил неожиданно нагрянуть со всей своей богатырской ватагой к какому-нибудь боярину. И начинались недельные пиры, скачки на лошадях из боярских конюшен да охоты на девиц. И кто какую поймал, та ему до утра и доставалась.

Посадник очень гневался из-за этих богатырских забав, посылал гонцов с требованием немедленно прекратить разбой. Не стесняясь, прилюдно ругал новгородского князя, а тот в ответ только хохотал:

– Мои богатыри здоровое поголовье челяди увеличивают. Нет бы отблагодарить за это знатным пиром, а они только жалуются.

Посадник для посторонних ушей ругал новгородского князя Владимира, и новгородский князь Владимир громко поддерживал эту легенду для тех же ушей. Однако шумное показное недовольство разгульной жизнью князя Владимира и его богатырей не мешало посаднику внимательно следить за претендентами на Киевский великокняжеский престол. И однажды он огорошил Владимира сообщением:

– Ярополк к моим ближним соседям надумал свататься, князь Владимир.

– К Рогволоду?

– Да. К единственной дочери его Рогнеде. Вот бы где ему нос натянуть.

– А вот это очень даже правильно, – сказал Ладимир. – Так надо, князь.

– Думаешь? – Владимир усмехнулся.

– Уверен.

– Натянем.

– Как? – насторожился посадник.

– А вот как… – начал было Ладимир.

– Пошли свадебное посольство к Рогволоду, – перебил Владимир. – Мол, новгородский князь Владимир желал бы взять вашу дочь в жены законные.

– Откажут, княжич. Горды больно.

– А мне и надо, чтобы они отказали. Твое дело – послать со щедрыми подарками.

– Тебе мало двух врагов в земле Киевской? Хочешь еще одного получить рядом с землей Новгородской?

Владимир улыбнулся:

– Бабка моя великая княгиня Ольга нас с Ладимиром арифметике учила. Хорошая арифметика: умножь, а потом раздели.

– Хорошая арифметика, – прикинув, согласился посадник Радьша и послал к Рогволоду представительного боярина с герольдом и почетной стражей.

Боярин вскоре возвратился – с герольдом, почетной стражей и всеми подарками.

– На словах велено передать, что девица Рогнеда, дочь полоцкого князя Рогволода, за прижитого на стороне сына рабыни не выйдет замуж даже под страхом смерти.

– Ну, ты, княжич, этого и добивался?

– Этого, посадник, этого, – заулыбался Ладимир.

– Рогнеда нанесла мне личное оскорбление, посадник, – сурово сказал Владимир. – Столь тяжкое оскорбление снимается только еще большим оскорблением всей семьи князя Рогволода. Готовь дружины к походу.

– Может, не будем трогать силу Великого Новгорода? – осторожно спросил посадник. – Может, пошлем Яромира или нанятых тобою варягов?

– Я сказал!..

Прикрикнул по-отцовски – и вышел по-отцовски.

Владимир расчетливо прятал Яромира с дружиной, когда-то защищавшей покойную великую княгиню Ольгу. О дружине этой давным-давно позабыли в Киеве, что впоследствии могло сыграть роль, которую трудно будет переоценить.

Посадник это понимал, а потому и не стал спорить. Через три дня обе новгородские дружины выступили на Полоцк под стягом новгородского князя Владимира.

Полоцк не имел серьезных укреплений, поскольку его владыка не предполагал нападений ни с какой стороны. Невысокий земляной вал со старыми деревянными башнями был преодолен с ходу. Оставив новгородцам город для грабежа, Владимир ударил по детинцу, ворвался в него и пошел прямо на княжеский дворец. Тоже деревянный и тоже скверно укрепленный.

За ним шла его личная охрана, за левым плечом – Ладимир. И богатыри, вмиг изрубившие всех, при ком было оружие. Владимир отчетливо представлял себе примитивный план дворца Рогволода. Прямо наверняка располагалась тронная палата. И именно там должна была находиться его обидчица.

Дверь оказалась закрытой на засов. Владимир навалился на нее, сзади поднажал кто-то из его богатырей, двери рухнули, и новгородский князь вошел в залу. Два стражника одновременно бросились навстречу, мешая друг другу. Владимир легко уклонился от меча, следовавшие за ним богатыри тут же повязали последних защитников полоцкого князя, и князь новгородский увидел перед собою статную и очень юную девушку с коротким мечом, который она держала перед собой двумя руками. Гнев, страх и ярость смешались в ее взгляде, невероятной радугой отражаясь в широко распахнутых глазах, а яркий румянец, вспыхнувший на щеках, делал ее наивно-отчаянной и прекрасной в этом отчаянии.

– Рогнеда?

Девушка молча бросилась на него. Владимир отпрянул, развернул ее и крепко прижал к себе.

– Хороша, – сказал он. – Чудо как хороша. Жаль, что придется тебя обидеть.

Из рук девушки выпал меч, глухо ударился о шкуры, которые устилали пол залы. И тотчас же с княжеского места поднялся ее отец, князь Рогволод:

– Ты будешь драться со мной!

– Привязать князя и княгиню к их креслам! – приказал Владимир.

Он действовал совсем как его отец, когда-то изнасиловавший Малушу на глазах челяди. Таков был обычай раннего Средневековья. Этим противнику наносилось тяжелейшее и несмываемое оскорбление.

Ладимир сказал осторожно:

– Не надо бы, великий князь…

– Надо! – по-отцовски рявкнул Владимир, заваливая девушку на покрытый шкурами пол.

До конца жизни Рогнеда ненавидела его за великий позор, который она приняла тогда от него. Владимир неспешно и по-своему даже очень нежно насиловал ее на глазах родителей, в душе, впрочем, глубоко сожалея, что ему приходится поступать именно так. Но этого требовал варяжский кодекс чести, нарушить который он не мог. И всю жизнь Владимир любил ее больше, чем всех своих жен и многочисленных любовниц. И Рогнеда всю жизнь любила только его. Сквозь ненависть и отчаяние, сквозь прилюдный позор и душевные муки. Он был и остался первым и единственным мужчиной в ее жизни.

Наконец кончилось это позорище, Владимир сказал, еще не встав на ноги:

– Ладимир, прикажи гридням заколоть всю семью. Кроме Рогнеды. Ее отправить в мой новгородский дворец.

– И Рогдая! – выкрикнула Рогнеда, оттолкнув Владимира. – Не смейте трогать моего брата!

– Никто его и не тронет, – сказал Добрыня, подхватив пятилетнего малыша. – Ого, кусается! Я из него доброго богатыря выпестую…

И вышел с мальчонкой на руках.

4

Добрыня Никитич уехал сразу же, не стал участвовать ни в грабежах, ни в насилиях. Увез Рогдая, передал мальчонку знакомой вдове, недавно потерявшей мужа, и только проделав это, нагнал Владимира.

– Не по-божески ты поступил, племянничек. Ох, не по-божески…

– Зато с удовольствием, – угрюмо проворчал новгородский князь.

Он тоже почему-то был недоволен собой. Недовольство это занозой сидело в сердце, он не мог разобраться, откуда оно возникло, и предчувствовал, что нескоро от него избавится.

– А душу собственную заплевал, – негромко сказал Ладимир.

Владимир вздохнул, но промолчал.

– Коли молчишь, значит, и сам понимаешь, сколь заплевал.

– А ты… Ты помолчи.

– Значит, понял. И то хорошо.

Разгромив Рогволода, князь Владимир отозвал дружины в Новгород и опять, с еще большим размахом вернулся к разгульной жизни. Вновь с гиканьем и свистом помчались его богатыри с вооруженной челядью по ближним и дальним боярским усадьбам. Вновь началась беспробудная гульба с пирами, песнями, плясками и непременным улучшением породы челяди путем азартной охоты на девиц.

Напрасно жаловались бояре посаднику и Совету «Золотых поясов» Господина Великого Новгорода. Напрасно гневался посадник, напрасно слал гонцов к Владимиру, умоляя заняться делом и перестать разорять бояр. Богатырская дружина со своим не знающим устали вождем продолжала весело гулять по всей Новгородчине.

– Бражничаете, бояр вконец разоряете, девок портите, страх наводите и пьете больше всех мер! Нельзя же так, князь, нельзя! – пытался вразумить посадник Владимира.

– Веселие Руси есть пити, – смеялся в ответ новгородский князь.

Посадник Радьша на это лишь картинно разводил руками. Уговоры не действовали, бояре жаловались, а княжеская ватага гуляла, как хотела.

Только однажды, на восточной границе Новгородской земли, в бедной усадьбе, в которой даже господский дом был крыт ржаной соломой, веселая и беспутная богатырская ватага была неожиданно и остановлена, и весьма озадачена.

Перемахнув по отработанной привычке, на конях через ивовый плетень, богатыри во главе с князем Владимиром карьером пронеслись по грядкам напрямик к тщательно выскобленному старому крыльцу и…

И разом притормозили коней, нещадно разрывая им губы уздечками. Неслись с громким гиканьем – и вдруг все замолчали.

А замолчали потому, что на крыльцо вышел детина ростом повыше полутора сажен. Зевнул, огляделся, почесался с удовольствием. И неспешно сложил на груди две ручищи, столь выпукло перевитые мускулами, что, казалось, будто их выточили из старого доброго дуба.

– Ну? – густым басом спросил детина.

В ответ – молчание.

– Спросил ведь?

– Ты с князем разговариваешь! – выкрикнул Добрыня.

Детина поклонился, не уточнив даже, с каким именно князем. И снова пророкотал:

– Ну?..

– А вот мы сейчас высечем тебя, дубина стоеросовая, за непочтение…

Говорил по-прежнему один Добрыня. Остальные молчали, оглушенные могучим басом.

Детина с ленцой спустился с крыльца. Развалисто, враскачку подошел к Добрыне, огладил коня:

– Добрый конь… – И, внезапно присев, подсунул плечо под круп, выпрямился, и конь вместе с Добрыней с грохотом завалились на землю. Не ожидавший такого Добрыня не успел вынуть ногу из стремени, потому и лежал теперь в совершенной беспомощности.

– Вот, – кратко заметил незнакомец и неторопливо вернулся на крыльцо.

Князь Владимир молчал то ли в растерянности от столь быстрой расправы над родным дядей, то ли от удивления.

– Повели, князь… – негромко начал было Ладимир, но что именно повелеть, не сказал. И все вокруг молчали, озабоченно поглядывая на детинушку.

– С печи слезать не люблю, – почему-то вдруг решил пояснить незнакомый богатырь.

– Может, еда у тебя какая есть? – неожиданно спросил Владимир.

– Сказал ведь, что с печи слезать не люблю, – ответствовал богатырь. – Давайте так. Пока этот под конем валяется, я со всеми вами берусь побороться. Кроме тебя, князь. Зашибу еще ненароком.

– Мы не драться с тобою приехали, – неуверенно возразил новгородский князь.

– Кто победит, тот и решать будет. Как хотите, пешими или на конях? Решайте, мне всё едино.

– Покажите невежде этому, кто победит, – сказал Владимир. – Только пешими, он конных переворачивать навострился.

Богатыри покорно спешились и пошли на невежду. Тот опять косолапо и неторопливо спустился с крыльца, сбросил крапивяное рядно, что было на плечах, потер кулачищи.

– И-эх!.. – выкрикнул Будислав, во главе семерки богатырей бросаясь на неизвестного косолапого детину, который так не любил слезать с печи.

Более быстротечной схватки князь Владимир доселе не видывал. Единственный человек, которого они встретили в этом глухом поместье, как-то очень уж сноровисто и быстро уложил всех Владимировых друзей детства на землю, друг на друга. А потом сам уселся сверху.

– Вот, – рассудительно сказал он, ничуть и не запыхавшись.

– Отпусти моих сочашников, – попросил князь. – Ведь задушишь.

– Это – чтобы не мешали, – кратко пояснил детина. – Поговорим, князь, и отпущу.

– Скажи сперва, кто такой будешь и откуда. Зачем сюда пришел и где бояре с этого поместья?

– Бояре разбежались, узнав, что ты идешь со своими сочашниками. Я – из Мурома, а имя такое, что ты и не выговоришь. Так что лучше Муромцем зови. Или Ильей, как бояре мои звали. Так проще.

– Говори, какое дело у тебя ко мне, Муромец. И слезь с моих друзей.

– Уместно ли будет великому киевскому князю заниматься им? – предостерег Ладимир.

– Помолчи, Ладимир. Пусть скажет.

– Степняки одолели края наши, князь, – будто не услышав Ладимира, сказал Муромец. – Селища жгут, скотинку угоняют, народец в рабство берут. И мы одни не отобьемся, и вы одни не сладите. Подумал я и с печи слез. Заставу степнякам ставить надобно, князь. У тебя богатыри, у меня силушка, так что богатырскую заставу есть из кого собрать. И оборонить народ русский и племена, его власть признавшие. Дай оружие и коней, и постоим мы.

– Ты сперва с моих богатырей слезь.

– Как с печи, – согласился Муромец.

Слез и впрямь как с печи. Неторопливо.

По одному разобрал богатырей, на которых сидел. Поднял коня и Добрыню, поставил их на ноги. Конь, правда, тут же рухнул, но Добрыня на ногах удержался.

– Зачем коня загубил? – упрекнул Добрыня.

– Князь нового даст, когда мы с тобой в степную заставу пойдем.

– Какую еще заставу?

– Богатырскую, – подсказал Ладимир.

– Вот. Главным ты будешь, мне так лучше. Я с печи в детстве грохнулся головой вниз.

– Это как князь скажет.

– Так и скажет, – усмехнулся Владимир. – Силушки Муромцу не занимать, а вот голова в той заставе нужна твоя, дядька.

– И что там делать, в этой заставе?

– В заставе этой Русь беречь, дядька мой Добрыня Никитич. Степняки землю русскую на куски рвут без пощады. Станьте, братья, грудью, а пировать вместе будем!..

– Славно сказано!.. – отметил Ладимир.

Глава четвертая

1

Владимир всегда поступал осмысленно, все тщательно обдумав и разложив по полочкам. И эта удалая гульба вместе с богатырями по Новгородчине тоже была многократно до мелочей оговорена с Ладимиром, продумана и просчитана. Хотя бы потому, что сила княжеская, о которой и не подозревали в стольном граде, тайно отстаивалась в порубежных лесах – практически нетронутая в боях отборная дружина великой княгини Ольги под командованием опытного и расчетливого воеводы Яромира.

Прадед новгородского князя великий воевода Свенельд служил ныне старшему сыну князя Святослава Ярополку и, держа про запас линию гонцов вплоть до Новгорода, всегда был готов предупредить Владимира, если Ярополк вновь вздумает идти против него вместе с братом Олегом. Поэтому Владимир всячески раздувал легенды о собственной гульбе, беспутстве и любви к бражничанию с любезными ему богатырями. Пусть думают, что он пьяница, бездельник и бабник, каких еще свет не видывал. Пусть жалуются разоренные его налетами бояре, пусть будут слухи, сказки и самые несусветные преувеличения обиженных. Пусть. Пересуды усыпляют настороженность. Сам же Владимир ни до великого княжения, ни после оного не обращал никакого внимания на пересуды, сплетни да разговоры. Только бы не мешали ему действовать так, как он задумал. Ни Киев, ни братья, ни даже сам Господин Великий Новгород.

И то, что он неожиданно повстречал наконец-то слезшего с печи Муромца, представлялось Владимиру добрым знаком. Предложение Муромца создать богатырскую заставу для борьбы с налетами вольных кочевников Дикой степи оказалось как нельзя и к месту, и ко времени. Владимир повелел назначить вожаком всех будущих застав Добрыню, взял с каждого богатыря поименно роту на верность и разъяснил, что никто, ни один воевода – будь то даже сам великий Свенельд – не имеет права начальствования над ними. Однако временно велел расположиться заставе ниже озера Ильмень, откуда по его повелению и должны были они ударить по любой рати, идущей на Новгород.

Прижитой, преследуемый князем Святославом Владимир не знал своих братьев, претендующих ныне на Киевский великокняжеский престол. Но предполагал, что старший, Ярополк, был для него опаснее. Хотя бы потому, что, по уже сложившимся порядкам, имел на этот престол первостепенное право. Правда, великий Святослав впервые разделил Русь на уделы, раздав их законным сыновьям. Зачем он это сделал? Зачем заведомо заронил искру будущего пожара? Не потому ли, что решил вообще уничтожить Киевскую Русь, чтобы она не дышала ему в спину перед решающей схваткой с Византией?

Владимир постоянно размышлял об этом повелении своего отца. Он уже утвердился во мнении, что станет великим киевским князем, и никакие сомнения на этот счет больше не терзали его. А коли так, следовало подумать и о надежной охране южных границ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.